

Лунный лик. Рассказы южных морей

Про книгу

В новом томе собрания сочинений читатель найдет три цикла рассказов: «Лунный лик», «Рассказы южных морей» и «Приключения рыбачьего патруля».

Созданные в разные периоды творчества, они рассказывают о людях, держащих судьбу в собственных руках, - о таких людях, к которым принадлежал и сам Джек Лондон.

ДЖЕК ЛОНДОН

ЛУННЫЙ ЛИК

*

РАССКАЗЫ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Джек Лондон

**Лунный лик. Рассказы южных морей.
Приключения рыбачьего патруля**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2008, 2011

ISBN 978-966-14-2529-2 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Лондон Дж.

Л76 Лунный лик. Рассказы южных морей. Приключения рыбацкого патруля [Текст] : пер. с англ. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2008. — 416 с. : ил.

ISBN 978-966-343-834-4 (Украина, т. 3).

ISBN 978-966-343-752-1.

ISBN 978-5-9910-0268-4 (Россия, т. 3).

ISBN 978-5-9910-0170-0.

В новом томе собрания сочинений читатель найдет три цикла рассказов: «Лунный лик», «Рассказы южных морей» и «Приключения рыбацкого патруля». Созданные в разные периоды творчества, они рассказывают о людях, держащих судьбу в собственных руках, — о таких людях, к которым принадлежал и сам Джек Лондон.

У новому томі зібрання творів читач знайде три цикли оповідань: «Місячний лик», «Оповідання південних морів» і «Пригоди рибальського патруля». Створені в різні періоди творчості, вони розповідають про людей, які тримають долю у власних руках, — про таких людей, до яких належав і сам Джек Лондон.

ББК 84.7США

Лунный лик

Лунный лик

У Джона Клэверхэуза было абсолютно лунообразное лицо. Вы, конечно, знаете этот тип — широкие скулы, совершенно теряющийся в щеках подбородок и широкий, толстый нос, как центр, находящийся на равном расстоянии от всех точек периферии кругоподобного лица! Вполне возможно, что именно поэтому я его ненавидел, — он раздражал меня всем своим видом, и я не сомневался в том, что земля тяготится его присутствием.

Повторяю, что я ненавидел Джона Клэверхэуза. И вовсе не потому, что он мне сделал то, что общество признает дурным. Ничего подобного. Зло, причиняемое им, было совершенно особого, глубокого, утонченного свойства; оно было крайне обманчиво, неуловимо и совершенно не допускало определенного словесного выражения.

Такие явления в определенный период жизни известны всем нам. Случайно мы встречаем человека, о существовании которого минуту тому назад и не подозревали, и тем не менее говорим в первый же момент: «Мне не нравится этот человек».

Почему он нам не нравится?

Ах, да мы сами не знаем почему; мы знаем только, что не нравится. Мы почувствовали к нему антипатию — вот и все! Такого рода чувство я испытывал к Джону Клэверхэузу.

Какое право имел этот человек на счастье и благополучие? А между тем он был ярко выраженным оптимистом: всегда был весел и смеялся; все на свете хорошо, черт его возьми! Господи, как меня оскорбляло то, что он счастлив! Другие люди могли смеяться, сколько угодно, — это меня ничуть не беспокоило. Я сам много смеялся, пока не встретил Джона Клэверхэуза.

Его смех! Он раздражал и бесил меня, как ничто другое под солнцем не могло раздражать и бесить меня. Этот ужасный,

отвратительный смех гнался за мной повсюду, преследовал, захватывал меня, как клещами, и не выпускал. Во сне и наяву я слышал его... Словно какая-то огромная, дьявольская трещотка издавала эти звуки, которые со всех сторон доносились ко мне и безжалостно рвали струны моего сердца. На рассвете он мчался ко мне через поля и нарушал мои легкие утренние грезы... А в мучительные полуденные часы, когда сонно повисала зелень, в глубь леса удалялись птицы и от зноя замирала вся природа, — я слышал чудовищное «ха-ха, хо-хо»... Эти звуки поднимались к небу, душили все, хотели затмить солнце. А в темные ночи от того перекрестка, где Джон Клэверхэуз сворачивал к себе по дороге из города, доносился все тот же проклятый, раскатистый, истерический хохот и будил меня, и заставлял содрогаться в корчах, и глубоко вонзать ногти в ладони.

Однажды я тихонько загнал его скот на его же вспаханные поля, а утром услышал крикливый голос:

— Ну, что же, это бывает! Каждая скотинка ищет, где лучше. Вот и выбрала пастбище пожирнее.

У него была собака Марс, прекрасное, огромное животное, полугончая, полуищейка. Марс был его лучшим другом, с которым он никогда не расставался. Но однажды я воспользовался отсутствием хозяина и угостил Марса бифштексом со стрихнином. Уверяю вас, что на Джона Клэверхэуза это не произвело никакого впечатления. Его смех был ясен и задухновен по-прежнему, и по-прежнему лицо его напоминало полнолуние.

В другой раз я поджег его скирды, а на следующий день — это было воскресенье — я его встретил, как всегда радостного и веселого.

— Куда это вы? — спросил я, увидев его на перекрестке.

— За форелями, — сказал он, и лицо его сияло, как полный месяц. — Вы знаете, ведь я брежу форелями.

Ну можно ли найти другого такого невозможного человека? Весь хлеб его пропал, и я знал, что он не был застрахован. Джону Клэверхэузу грозил голод, жестокая зима, а он шел за форелями. И если бы печаль хоть сколько-нибудь изогнула его брови или удлинила лицо и сделала его менее похожим на луну, если бы хоть раз в жизни он сбросил с лица свою отвратительную улыбку, я уверен, что простил бы ему факт его существования. Нет, под ударами судьбы он

становился все беззаботнее и веселее! Я однажды намеренно оскорбил его. Он удивленно улыбнулся:

— Вы хотите, чтобы я дрался с вами? — медленно спросил он и рассмеялся. — Господи, как вы наивны! Хо-хо! Вы меня уморите. Хи-хи-хи... Хо-хо-хо...

Ну, что бы вы сделали на моем месте? Это переполнило чашу моего терпения. Господи, как я ненавижу его! Потом еще эта фамилия! Клэверхэуз! Что за фамилия, что за абсурдная фамилия! Клэверхэуз! Милостивый боже, почему Клэверхэуз? Я бы ему многое простил, если бы его звали Смитом, Брауном или Джонсом. Но Клэверхэуз! Имеет ли право на существование человек с такой фамилией? Я спрашиваю вас. Вы говорите: «нет», и я говорю: «нет!»

У меня хранилась закладная на его имение. Приняв во внимание тяжелое его положение после пожара, я прекрасно понимал, что он не сумеет уплатить по закладной, и, следовательно, осталось только найти ловкого и искусного кулака и продать ему закладную. Это я сделал, и Джону Клэверхэузу было дано только несколько дней на вывоз имущества из имения, в котором он жил более 20 лет. Я спустился вниз, чтобы посмотреть на него. Он встретил меня, весело подмигивая тарелкообразными глазами; свет все больше и больше озарял его лицо, и через несколько секунд оно уже было похоже на полную, ясную луну, высоко стоящую в небе.

— Ха-ха-ха! — засмеялся он. — Забавный случай! Дайте я вам расскажу, это замечательно!

Он стоял внизу, почти у самой воды; в это время с горы отвалился огромный ком глины, скатился в воду и забрызгал Джона Клэверхэуза.

Подобного приступа адского хохота я еще не слышал. Джон Клэверхэуз остановился только на мгновение, чтобы выждать, пока я присоединюсь к его бешеному веселью.

— Я не вижу тут ничего смешного, — сухо и коротко сказал я.

Он взглянул на меня с удивлением, а спустя несколько мгновений его лицо уже снова светилось, как полная летняя луна.

— Ха-ха!.. Ничего смешного?! Хи-хи! Неужели вы не чувствуете? Хо-хо-хо! Ну, вот, видите ли, лужа...

Я повернулся и оставил его.

Наступил конец — дольше терпеть его я был не силах.

«Так или иначе с ним нужно покончить, дьявол его побери!» — рассуждал я.

Необходимо, наконец, освободить от его присутствия бедную землю... В этой мысли меня все больше укреплял чудовищный смех, который, словно по пятам, гнался за мной. Конец!..

Я горжусь тем, что всегда чисто, педантично и аккуратно обдeldываю свои делишки. Когда у меня мелькнула мысль убить Джона Клэверхэуза, я решил сделать это так, чтобы никогда в жизни мне не пришлось устыдиться содеянного. К тому же я ненавижу неприкрытое зверство. Мне отвратительно зрелище голого кулака, наносящего смертельный удар. Убить Джона Клэверхэуза (о, что за имя!) надо было искусно, артистически... И таким образом, чтобы на меня не пало ни малейшее подозрение.

Спустя неделю, после сосредоточенного раздумья я выработал необходимый план. Я приобрел пятимесячную болонку-суку и все свое время стал посвящать ее дрессировке, причем главное внимание обращал на процесс *возвращения*. Я научил Беллону приносить палки и разные другие вещи, которые бросал далеко в воду, и строго наказывал ее, если она хоть сколько-нибудь впивалась зубами в дерево! В самом скором времени результаты дрессировки меня вполне удовлетворили, и я решил перейти к выполнению своей непосредственной цели.

Зная закоренелую слабость Джона Клэверхэуза и его любовь к собакам, я подарил ему Беллону.

— Нет, вы шутите! — сказал он мне и улыбнулся так, что в одно мгновение озарилось все его круглое лицо. — Вы смеетесь надо мной! Странно, может быть, но мне почему-то всегда казалось, что вы относитесь ко мне без всякой симпатии. Не правда ли, очень смешно, что я так ошибался?

И с этими словами он покатился со смеху.

— Как ее зовут? — спросил он в промежутке между двумя пароксизмами смеха.

— Беллона!

— Хи-хи! — захихикал он. — Какое странное имя!

Я заскрежетал зубами и с усилием произнес:

— Это жена Марса, вашего покойного Марса.

— Значит, Беллона — вдова! О! Хо-хо-хо!.. Хе-хе...

Я не в состоянии был выдержать эту пытку и убежал. Спустя неделю, в субботу вечером, я сказал ему:

— Если не ошибаюсь, вы в понедельник уезжаете?

Он кивнул головой и улыбнулся.

— Значит, вам не удастся более полакомиться форелями, которыми вы бредите?

Он не уловил моей насмешливой нотки и заявил с прерывистым смехом:

— Нет, завтра утром я думаю попытаться...

Таким образом я убедился в своем предположении и в восторге от своих планов направился домой. Увидя его утром с сеткой и мешком из тонкой рогожи за плечами, я понял, куда он направляется. Я пересек по диагонали пастбище и по кустарнику, незамеченный, поднялся на верхушку горы, откуда свободно, не выдавая своего присутствия, мог следить за происходящим на берегу.

Вскоре я увидел Джона Клэверхэуза, за которым вприпрыжку неслась Беллона; оба, видимо, были в самом приподнятом настроении; короткий, отрывистый лай собаки поминутно сливался с глубокими, басовыми нотками смеха ее хозяина, который, сбросив на землю мешок и сетку, вынул из кармана нечто, весьма похожее на толстую сальную свечку. Но я прекрасно знал, что это была не свечка, а кусок «гиганта», которым он взрывал форелей: новый, оригинальный способ ловли рыбы. Он завернул трубку в вату, зажег ее с одного конца и бросил в воду.

С быстротой молнии Беллона бросилась за трубкой, и я едва удержался, чтобы не закричать от радости. Клэверхэуз завопил изо всех сил, но напрасно. Тогда он стал бросать в собаку комьями земли и камнями, а та продолжала плыть до тех пор, пока не схватила зубами «гиганта», и только после этого повернула к берегу. Джон Клэверхэуз сразу сообразил, какая опасность ему угрожает, и немедленно обратился в бегство... Беллона, конечно, бросилась за ним. Я никогда не представлял себе, что неуклюжий Джон Клэверхэуз способен так быстро бегать... Но все его усилия были тщетны...

Беллона догнала его, и в ту же секунду блеснула искра... другая, поднялся клуб дыма, раздался взрыв, и через секунду на том самом месте, где стояли человек и собака, не оказалось ничего: только огромная яма в земле.

«Смерть от несчастного случая во время противозаконной рыбной ловли!» — вот как формулировал суд гибель Джона Клэверхэуза. Полагаю, что я имею право гордиться тем артистическим способом, коим покончил с моим злейшим врагом. О зверстве — нет и помину: мне не приходится краснеть. Надеюсь, что вы согласны со мной.

Теперь уже не раздаётся адский хохот Джона Клэверхэуза и горное эхо не повторяет и не множит его. Уже не видно его толстого, луноподобного лица...

Теперь спокойны дни мои и крепки сны...

Золотое ущелье

Э то происходило в зеленом сердце ущелья. Мрачные откосы расступились и образовали уютный, укромный уголок, весь напоенный мягкостью, нежностью и покоем.

Казалось, все вокруг отдыхает, и даже шумный, быстрый ручей, протекая вдоль ущелья, замедлял свой торопливый бег. По колени в воде, низко опустив голову, с полузакрытыми глазами стоял рыжий, с ветвистыми рогами олень.

По одну сторону ручья, почти у воды, начиналась небольшая зеленая лужайка, которая доходила до самой подошвы сурово нахмуренной стены. А по другую сторону, прислонясь к стене ущелья, подымался высокий откос, покрытый изумрудной травой, почти сплошь испещренной желтыми, лиловыми и золотистыми цветами... Внизу стены снова смыкались, и ущелье заканчивалось множеством скал, нагроможденных друг на дружку, затянутых мхом и укрытых, как ширмами, ветвями деревьев и высокими травами. Наверху, теряясь на расстоянии, в неопределенных очертаниях вырисовывались поросшие лесом холмы и верхушки гор. А еще дальше, словно облака или причудливые белые минареты, залегли снежные вершины Сиерры...

Пыль не проникала в ущелье, и вся растительность была чиста и свежа. Трава выглядела, как новый бархат... По другую сторону ручья три тополя бросали на землю белые, медленно кружащиеся в воздухе хлопья. На пологом откосе росла манцанита, наполнявшая воздух нежным, весенним ароматом. Кое-где стаяй мгновенно замерших мотыльков стояли пышные разноцветные лилии, каждое мгновение, казалось, готовые подняться в воздух. Часто попадался мадрон — арлекин лесов! — который наполнял воздух сладким запахом своих желтовато-белых, как воск, ландышеподобных колокольчиков.

Ветер замер, и под тяжестью ароматов застыл воздух — чистый и прозрачный, насыщенный сладостью цветов и растворенного солнечного света. Изредка мелькали бабочки; со всех сторон доносилось дремотное жужжание горных пчел... Ручей почти

бесшумно протекал вдоль ущелья, и едва-едва слышалось его тихое-тихое бормотание.

Внутри ущелья всякое движение принимало легкие колебательные формы. Вверх и вниз подымались солнечные лучи и мотыльки. Жужжание пчел переливалось в журчание ручья. Зыбь звуков сливалась с зыбью цветов в одно нежное, легкое и неопределенное, что олицетворяло собой дух ущелья — дух мира и покоя, но не смерти, — движения, но не действия, — дух тишины, говорящей о жизни, лишенной усилий и какой бы то ни было борьбы...

Рыжий олень, подчинившись духу ущелья, стоя в воде, задремал... Время от времени под журчание ручья лениво трепыхались его уши... Нечего было тревожиться... все спокойно — все... Но вдруг уши оленя напряглись и вытянулись кверху. Тонкие, трепетные ноздри потянули воздух... Олень не мог проникнуть глазами за зеленую ограду, но его слух уловил подобие человеческого голоса... Вот голос зазвучал тверже и определеннее, слегка нараспев... Послышался лязг железа о камень. Олень заржал и так стремительно рванулся вперед, что один прыжок перенес его на зеленый бархатный луг, по которому, оглядываясь и прислушиваясь, он стал тихо пробираться, а затем, как видение, исчез из виду.

Человеческий голос все приближался, и уже можно было расслышать слова песни... Одновременно слышалось, как кто-то карабкается по стене, и тогда испуганный дух ущелья бежал по следам рыжего оленя. Зеленые ширмы были раздвинуты чьей-то дерзкой рукой, и из-за них выглянул человек, быстрым взглядом окинувший все вокруг. По его взгляду можно было судить, что это человек толковый. Оглянув все вокруг, он стал подробно осматривать все детали и только после того удовлетворенно воскликнул:

— Ах, черт возьми! Да ведь здесь — сущий рай... Все, что угодно: и лес, и ручьи, и луг, и горный откос! Настоящий приют отдохновения.

Это был белобрысый человек, с веселыми и добродушными глазами. На подвижном лице его каждая мысль, каждое внутреннее движение отражались, как в зеркале.

Словно рябь на поверхности воды, по лицу его быстро пробегали мысли. В общем он выглядел белобрысым, но трудно было определить как цвет его лица, так и цвет редковатых, давно нечесанных волос.

Только глаза были определенного ярко-синего цвета... В глазах этих сверкала чисто детская наивность и добродушный смех, но по ним же можно было судить и о большой доле самоуверенности и твердой воли — следствии жизни, полной скитаний, волнений и всевозможных случайностей.

Новоприбывший безусловно знал себя и цену себе.

Выбросив вперед кирку, лопату и таз для промывки золота, он вслед за этим и сам пробился вперед. На нем были старые брюки, черная ситцевая рубашка, грубые, подбитые гвоздями сапоги и самой неопределенной формы шляпа, говорившая о многолетней борьбе с непогодой, зноем и дымом.

Человек выпрямился во весь рост, жадно оглядел тайный уголок и так же жадно стал вдыхать аромат горного сада. Глаза его превратились в узенькие голубые щелки, лицо скорчилось от восторга, и он радостно улыбнулся.

— Ах, как хорошо здесь! И пахнет как чудесно! Куда там вашим духам и одеколонам!

Ясно было, что он привык разговаривать сам с собой. У него было очень подвижное лицо, которое тотчас же выдавало его настроение и мысли.

Он опустился на землю, припал к воде и медленно стал тянуть ее.

— Вкусно как! — произнес он, оторвавшись от воды и не спеша вытирая губы. После того, все еще лежа на животе, он пытливо стал вглядываться в окружающие откосы, изучая горную породу. Это был взгляд опытного, знающего свое дело человека. Затем он поднялся на ноги и снова стал смотреть на откосы.

— Хорошо! — сказал он и поднял с земли свои инструменты. Ловко переступая с камня на камень, он перешел на ту сторону ручья, набрал немного земли и бросил ее в таз. Присев на корточки, погрузил таз в ручей и стал вращать его, отчего все частицы земли закружились в воде. Крупные легкие частицы всплывали кверху, и ловким движением он выбрасывал их. Иногда, чтобы ускорить дело, он пальцами выбирал со дна крупные, ненужные частицы.

В непродолжительном времени в тазу остался только мелкий ил и песок. Тогда человек перешел ко второй части своей работы, которая требовала наибольшей аккуратности и осторожности. Наконец, когда после продолжительной промывки в тазу, кроме воды, казалось, ничего

не осталось, он чрезвычайно искусным поворотом таза выплеснул всю воду и открыл на дне тончайший, как мазок краски, слой черного песка, среди которого после внимательного осмотра обнаружил небольшую золотую крупинку. Затем человек краем таза набрал струйку воды и снова быстро завертел таз, отчего черные песчаные крупинки в возрастающем количестве стали подниматься кверху. После значительных усилий он обнаружил вторую крупинку, снова слил воду и стал зорко следить за каждой уходящей песчинкой... Вот почти у края таза что-то блеснуло. Мелькнула золотая блеска, крохотная, едва-едва видимая, но золотоискатель заметил ее и быстрым движением спустил обратно в таз. Точно так же он открыл вторую, третью и четвертую блеску. Он, как пастух, собирал свое стадо золотых крупинок, любовно следя за каждой из них. Наконец, ушел весь песок, оставив по себе только золотой след. Человек внимательно пересчитал крупинки и обычным искусным поворотом таза сбросил их в воду вслед за песком.

— Семь! — сказал он, с жадным блеском в глазах подымаясь на ноги. — Семь! — повторил он настойчиво, словно боясь забыть эту цифру. Долго после того он с любопытством смотрел на откос. Во всех его движениях чувствовался страстный охотник, напавший на свежий след зверя.

Наконец он сделал несколько шагов вниз по ручью, набрал полный таз земли и снова занялся промывкой.

— Пять! — сказал он по окончании работы и, как прежде, повторил: — Пять!

Он несколько раз проделал подобные операции, обнаруживая все меньшее и меньшее количество золотых крупинок. Последняя промывка дала единственную блеску, и тогда золотоискатель решил сделать перерыв; он разложил костер из сухих веток и закоптил на нем таз. Закончив эту работу и внимательно осмотрев таз, он удовлетворенно кивнул головой: на таком фоне ни единая блеска не убежит от его зоркого взгляда.

Он спустился еще ниже по ручью, и следующая промывка дала ему опять одну блеску. Последующий ряд промывок, несмотря на самую тщательную работу, золота не дал совсем. Но странное дело: по мере того как уменьшалось количество золота, повышалось радостное настроение золотоискателя; неудачи не только не огорчали его, но,

напротив, убеждали в чем-то предполагаемом и желанном. Наконец он вскочил на ноги и воскликнул:

— Лопни я на месте, если это не здесь!

После того он стал подниматься вверх по течению от того места, где начал работу. Число золотых блесков все росло.

«Четырнадцать, восемнадцать, двадцать одна, двадцать шесть», — запоминал он. У пруда он наскочил на тридцать пять блесков.

— Жаль! Это можно было бы уже сохранить, — произнес он с сожалением и выплеснул воду.

Солнце стояло высоко.

Человек все шел вперед и вперед, вверх по течению, промывал таз за тазом, причем число золотых крупинок снова стало уменьшаться.

— Замечательно! — опять воскликнул он, обнаружив в последнем тазу единственную крупинку. Пять-шесть промывок ничего не дали.. Тогда он поднялся на ноги и радостным взглядом окинул окрестность.

— Да-с, госпожа жила! — сказал он, словно обращаясь к кому-то, засевавшему в откосах. — Такое-то дело, сударыня! Дело мое в шляпе, и не сомневайся, что я завладею тобой.

Он поднял голову и взглянул на солнце, застывшее в безоблачной лазури. Затем пошел вниз по ручью, вдоль выкопанных им ямок, немного пониже пруда, перешел через ручей и исчез за деревьями. Но еще долго доносился оттуда его голос.

Через некоторое время раздался стук подкованных сапог; зеленые ветви подались вперед, отшатнулись и, словно в какой-то борьбе, заколыхались взад и вперед. Послышался скрип и типичный шум тяжелого металла, бьющегося о камень. Голос человека с каждой минутой становился все выше и резче. Что-то крупное и грузное пробивалось вперед, наконец сквозь ветви просунулась лошадиная голова, затем показалась и вся лошадь, а над нею дождем посыпались сорванные листья. Лошадь с изумленным видом оглянулась вокруг, потом опустила морду и стала жадно есть сочную траву; вслед за ней вышла вторая лошадь без седока, но с мексиканским седлом, видимо, служившим уже много лет. Наконец вышел и человек, который расседлал лошадей и стал готовиться к привалу: он вынул сковородку, кофейник, разные другие принадлежности и при помощи камней и хвороста разложил большой костер.

— Вот хочется есть! — громко произнес он. — Кажется, наелся бы железных опилок и гвоздей.

Он приподнялся и, нащупывая в кармане спички, случайно взглянул на откос. Пальцы, сжимавшие коробок, разжались, и рука из кармана показалась пустой.

— Нет, надо еще раз попытаться, — сказал он и спустился к ручью. — Знаю, что ничего из этого не выйдет, а попытаться нужно. Обед не убежит!

На расстоянии нескольких футов от первых ямок он начал рыть второй ряд. Уже длиннее стали тени; солнце стояло на крайнем западе, а человек начал третий ряд ямок. Он наметил себе план: изрезать весь откос поперечными рядами ямок. Человек обратил внимание на то, что больше всего золота давал центр, в то время как по краям редко попадались одна-две блески. По мере повышения линии уменьшались, из чего золотоискатель вполне логично заключил, что где-нибудь наверху линия превратится в точку. Рисунок, таким образом, походил на опрокинутое V.

Конечной целью являлась верхушка, и золотоискателя всего более интересовал вопрос, в каком месте окажется эта верхушка, — конец золотоносной жилы.

— Пожалуйста сюда, сударыня! — сказал он. — Будьте любезны!

— Ну что ж, — продолжил он немного погодя, — если вам не угодно пожаловать сюда, мне придется подняться к вам. Будьте уверены!

С каждой новой пробой ему приходилось спускаться к ручью для промывки; по мере подъема по откосу пробы становились все богаче, и вскоре человек начал ссыпать золотой песок в небольшую жестянку, которую небрежным движением отправлял в карман.

Солнце уже скрылось. Надвинулись и сгустились сумерки, превратившись в вечерний мрак, и только тогда, когда стало трудно различать крупинки золота, человек опомнился и прекратил работу. Он выпрямился и с притворным ужасом воскликнул:

— Господи! А про обед-то я и забыл.

Перебравшись в темноте через ручей, он разжег костер и закусил бобами и лепешками с салом. Костер угасал. Человек, сидя возле него, курил трубку, вслушивался в ночной шум и следил за игрой лунных лучей. Затем приготовил постель, снял сапоги, улегся и до самого

подбородка натянул одеяло. В свете луны он походил на мертвеца; но это был живой мертвец, который вдруг поднялся и, уверенно глядя в направлении к откосу, сказал:

— Спи спокойно, госпожа жила! Спокойной ночи!

Разбудили его первые лучи солнца. Он проснулся, стал озираться вокруг и вспомнил все события последнего дня.

Одеваться ему пришлось недолго: натянул сапоги — и весь туалет. После некоторого колебания, нерешительно переводя взгляды с костра на откос и обратно, он сказал себе:

— Главное, Билль, не торопись. — И принялся разводить костер. — Ну, скажи на милость, чего лететь? Ведь ясно, что госпожа жила не уйдет. Так что и подкрепиться можно. Слышишь, Билль?

Убедив себя окончательно этими словами, он направился к реке, в которую опустил лесу, и через несколько минут вернулся к костру с несколькими чрезвычайно быстро пойманными форелями. После завтрака он сразу же направился к откосу, но у ручья им овладела новая мысль.

— А не мешало б сделать разведку вдоль ручья, — сказал он себе. — Кто его знает, может, здесь и засел кто-нибудь?

Тем не менее он переправился через ручей и усердно принялся за работу, которую без малейшего перерыва закончил только к сумеркам. Тело его совершенно одеревенело; он с усилием выпрямил спину, потянулся и сказал:

— Как вам нравится! Опять не обедал сегодня.

— Ну и подлые же эти жилы, — рассуждал он, устраиваясь на ночь. — Совсем отшибают память. — Он тотчас же добавил, обращаясь к склону: — Спокойной ночи, сударыня!

Поднявшись с зарей, он тотчас же приступил к работе, точно забыл про усталость. Не давая себе отдыха, копал, наполнял таз землей, бегом спускался к воде, промывал и после того опять бегом подымался вверх, причем задыхался, пыхтел и радостно ругался.

Теперь он работал на высоте ста ярдов над водой. Бока опрокинутого V уже приняли определенные очертания и убеждали золотоискателя в скором достижении цели.

Наконец он решил:

— Еще два ярда выше той манцаниты и ярд вправо — вот там-то оно и будет!

После этого, оставив постепенный подъем по откосу, он отправился к намеченному месту, набрал полный таз земли и спустился с ним для промывки к ручью. Золота не оказалось, как не оказалось и в следующих десяти-двенадцати тазах. Тут человек, совершенно забыв про свое человеческое достоинство, осыпал себя самыми замысловатыми и отборными ругательствами.

Спустившись снова к последнему ряду ямок и принявшись за прерванную работу, он стал убеждать себя:

— Возьмись за ум, Билль! Слышишь, возьмись за ум. Пора тебе понять, что сразу счастья не ухватишь. Только шаг за шагом, только постепенно.

По мере того как бока V сближались, жила углублялась; теперь золотые песчинки попадались только на глубине 30 дюймов. Работа с каждым разом становилась все трудней. «Черт знает, куда она еще заберется!» — пробормотал золотоискатель, продолжая, однако, работать. С другой стороны, с каждым разом в тазу оставалось все больше и больше золота. Каждая промывка давала на двадцать, тридцать и даже пятьдесят центов золота, а последний таз принес золота на целый доллар. После этого человек решил отдохнуть.

— Готов биться об заклад, что кого-нибудь черт принесет сюда! — произнес он, почти засыпая, и вдруг приподнялся:

— Послушай, Билль, завтра надо пройтись по окрестностям и узнать, что слышно. Понял? Завтра и без всяких разговоров!

На следующий день он поднялся раньше солнца. Первые лучи упали на него, когда он уже взбирался по откосу.

Взойдя наверх, он заметил, что находится посреди пустынной местности. По всем направлениям уходили высокие гряды гор. На востоке, на далеком расстоянии, высились белые гребни Сиерры. На юге и севере тянулись те же бесконечные, но менее высокие горы. На западе горы постепенно понижались, переходили в отлогие холмы, заканчивающиеся, в свою очередь, бесконечной равниной.

Человек долго и сосредоточенно оглядывался вокруг. Вдруг сравнительно близко ему почудилась тоненькая струйка дыма. Но после внимательного осмотра он убедился, что такое впечатление производит синеватая мгла, сгустившаяся в глубине ущелья.

Не медля больше и несмотря на тяжелую обувь, он с легкостью горной козы спустился в ущелье. Казалось, он заранее знал, какой

камень грозит падением. И действительно, под его ногами сыпались камни, но это нисколько не останавливало его; он не опирался, а пользовался только мгновенной точкой опоры, которая давала ему возможность переноситься все дальше и дальше. Иногда в качестве опоры он выбирал выступ скалы, узловатый корень, куст, за который схватывался рукой. Наконец последний скачок сбросил его с совершенно отвесной стены на плоскую почву, а вслед за ним осыпалось несколько тонн песка и гравия.

Первый таз принес ему золота более чем на два доллара. Этот таз он набрал в верхушке V. Слева и справа процент золота был самый незначительный. Золотой след все глубже и глубже уходил в землю, и к полудню ямки имели уже до пяти футов глубины. В то же время каждый таз приносил золота на три-четыре доллара. Возрастающий процент золота начал беспокоить золотоискателя.

— Черт возьми, Билль! Дьявольская штука предстоит тебе. Тут, кажется, столько золота, что тебе и в жизнь не вывезти его, — и он ухмыльнулся при мысли о такой необыкновенной перспективе.

В эту ночь он долго не мог уснуть. Напрасно призывал сон, закрывал глаза, уходил с головой под одеяло... Жажда золота брала верх; она овладела всем его существом, и полусонный, усталый человек поминутно бормотал: «Хоть бы скорей солнце взошло!»

Наконец он уснул, но проснулся, когда звезды только-только стали терять свою яркость; еще стояли утренние сумерки, когда он позавтракал и стал подниматься по откосу к тайнику жилы.

В первом выкопанном им ряду были только три ямки; он, наконец, подходил к главному источнику золота, к которому приближался постепенно и настойчиво в течение четырех дней.

— Ну, сударыня, теперь не уйдешь от меня! — бормотал он, уходя все глубже и глубже.

Четыре фута... пять футов... шесть футов... а он копал, хотя работа становилась все тяжелее. Вдруг кирка с визгом прошла по камню. Человек пристально взгляделся в него и принялся разбивать выветрившийся кварц, который множеством мелких камней рассыпался под каждым ударом.

Лопата ушла в рыхлую руду, и перед глазами мелькнуло что-то желтое. Человек уронил лопату и опустил на корточки. Он взял кусок кварца в руки и стал отрывать приставшую к нему землю.

— Вот так штука! — воскликнул он.

То, что он держал в руке, наполовину состояло из кварца, а наполовину из чистого золота. Он бросил комок в таз и пошел дальше. В попадающихся комках почти не видно было золота, но сильные пальцы опытного золотоискателя разбивали рыхлый, слабый кварц до тех пор, пока обе руки его не блестели от покрывшего их золота. Таз постепенно наполнялся. В некоторых кусках кварц настолько истлел, что его было меньше, чем золота; изредка попадались слитки чистого золота. Один комок, которому лом угодил в самое золотое сердце, заискрился, как куча драгоценных камней. Человек залюбовался его игрой и стал поворачиваться во все стороны.

— Черт возьми! Да тут только одно золото! — Он добавил торжественно: — Отныне ты будешь прозываться «Золотым ущельем».

Продолжая сидеть на корточках, он набирал слитки и сбрасывал их в таз. Вдруг ему почудилось, что где-то вблизи упала тень, хотя никакой тени не было. Захватило дыхание, и сердце словно поднялось к самому горлу. Затем он постепенно успокоился, но все еще не подымался, не оглядывался. Он получил от кого-то предостережение и старался понять ту таинственную силу, то неведомое, что стало угрожать ему. Имеются токи, которые человек, как слишком несовершенное существо, не в состоянии определить, он может только слегка ощутить их. Такое состояние переживаешь, когда видишь, что на солнце набегают легкие облака. Золотоискатель почувствовал, что между ним и жизнью только что пробежало что-то сумрачное и грозное. Пронеслась тень, тень смерти, его смерти.

Он инстинктивно порывался вскочить и лицом к лицу встретиться с неведомой опасностью, но самообладанием покорил темный страх и по-прежнему сидел на корточках и перебирал слитки золота. Все же он не решался оглянуться, хотя уже знал уверенно, что за ним или над ним кто-то стоит.

Тогда он с притворным интересом стал рассматривать кусок руды в своих руках, переворачивал его, срывал приставшую землю... И в то же время никак не мог отделаться от сознания, что *что-то* постороннее через его плечо смотрит на то же золото.

Он весь насторожился, превратился в слух, пока, наконец, не расслышал дыхание того, кто стоял позади. Глаза его стали искать какое-нибудь оружие, но видели только золото, повсюду золото,

которое в это мгновение потеряло всю свою условную ценность. В настоящем случае и верный лом не мог бы оказать помощи, ибо золотоискатель сам себе устроил западню. Он находился на глубине шести-семи футов, и голова его не достигала уровня земли.

Он не потерял самообладания, рассуждал по-прежнему трезво и ясно; он понимал, что положение его безнадежно и все же продолжал скрести землю со слитков золота и бросать их в таз. Ничего другого ему не оставалось! Он прекрасно сознавал, что рано или поздно ему придется подняться и повернуться лицом к лицу к опасности. Время уходило, и приближался решительный момент... Мокрая, насквозь пропотевшая рубашка с резким ощущением холода пристала к телу... Близка смерть... Он умрет здесь — здесь, над найденным кладом!

Он сидел, все сидел, очищал золото и думал, как ему встать.

Он мог бы молнией повернуться, мгновенно выбраться из ямы и, независимо от рода опасности, броситься на нее. Или, быть может, подняться медленно, неторопливо и, словно невзначай, увидеть врага? Инстинкт и пылкий характер подсказывали ему первое, в то время как чувство самосохранения и свойственная ему осторожность настаивали на втором.

А пока он так сидел и размышлял, сверху раздался оглушительный звук, и по телу человека пробежала огненная струя. Он рванулся кверху, но, не успев приподняться, свалился. Он весь съежился, — съежился, как лист, которого внезапно коснулся огонь. Подогнув под себя ноги, сдавленный крохотным пространством, он упал грудью на таз золота, а лицом зарылся в землю. По всему телу его прошла сильная дрожь, за нею судорога... Легкие механически набрали много воздуха, а затем медленно-медленно стали выпускать его, и в момент, когда весь воздух вышел наружу, тело человека сразу сплюснулось и замерло.

А наверху, несколько наклонившись над ямой, с револьвером в руке стоял человек. Он долго глядел на безжизненное скрюченное тело, затем опустил револьвер на колени и уселся с таким расчетом, чтобы все время видеть яму и человека. Затем он вытащил из кармана простую толстую бумагу и насыпал на нее немного табака. Не отрывая ни на мгновение глаз от ямы, он свернул себе толстую, большую папиросу, закурил ее и с наслаждением затянулся.

Курил он не спеша. Раз папироса потухла, но он снова зажег ее. Наконец он отбросил в сторону окурков, приподнялся и подошел к яме. Не выпуская револьвера из правой руки, он обеими руками оперся на края ямы и стал на мускулах спускаться вниз. Когда до дна осталось не больше ярда, он прыгнул вниз.

Но не успели еще ноги его коснуться дна, как ловко направленный и страшный удар в колени лишил его равновесия. Поднятую правую руку с револьвером новопришедший вынужден был опустить вниз, и не успел он еще упасть на дно, как раздался выстрел. Вся яма наполнилась густым едким дымом, на несколько мгновений скрывшим все очертания. Незнакомец упал навзничь, а золотоискатель, как кошка, прыгнул на него, удачным ударом отвел его руку вверх, и следующая пуля с глухим шумом ударилась в земляную стену.

Теперь борьба велась главным образом за револьвер. Каждый стремился завладеть оружием и направить его на другого. Дым в яме постепенно рассеялся, и пришедший, все еще оставаясь в прежнем положении, мог осмотреться. Но вдруг его ослепила горсть песка, брошенная ему в глаза. Он вздрогнул, и от этого ослабели руки, державшие револьвер. Через секунду опустился мрак над ним, а затем и мрак исчез...

Но золотоискатель еще долго стрелял, стрелял до тех пор, пока не выпустил последнего заряда. После того он отбросил револьвер и, прерывисто дыша, сел на ноги убитого.

— Мерзавец такой! — захлебываясь, сказал он. — Ишь умница! Дал мне всю работу сделать, а затем стреляет мне в спину. Ловкий молодец!

Он едва не заплакал от усталости и злобы. Он стал вглядываться в лицо убитого, но из-за насыпанной земли трудно было распознать черты.

— Впервые в жизни вижу его, — сказал он наконец. — Очевидно, какой-то самый обыкновенный воришка; порядочный человек в спину не будет стрелять.

Он стал нащупывать спину и грудь с левой стороны.

— Слава богу, навывлет прошла, — заключил он радостно. — Зато уж я показал ему! Будет другой раз стрелять!

Он снова нащупал рану, и лицо его омрачилось.

— Как бы не разболелась, — пробормотал он. — Надо поскорее убраться отсюда.

Он выполз из ямы и направился к своему биваку.

Через полчаса он вернулся к яме с вьючной лошастью. Растегнутая рубаха позволяла видеть грубую повязку, наложенную на рану. Он с трудом передвигал левой рукой, что, однако, не мешало ему пользоваться ею. Он просунул под мышки убитого веревку, вытащил его из ямы и после того стал собирать золото. Эта работа отняла несколько часов; он часто отдыхал, угрюмо потирал рану и бормотал:

— Вот мерзавец! В спину стреляет!

По окончании работы, когда все золото самым надежным образом было навьючено на лошадь, он сделал мысленный подсчет.

— Черт возьми! Фунтов четыреста будет, — воскликнул он. — Ну допустим, фунтов двести кварца и земли, остается двести золота. Слышишь, Билль, двести фунтов золота! Это значит, что ты владеешь капиталом в сорок тысяч долларов!

Он восторженно провел рукой по голове и вдруг нащупал рубец, который тянулся на несколько дюймов. Золотоискатель вспомнил, что его задела вторая пуля незнакомца.

— Ах, негодяй! Убить меня хотел! Но вот видишь, я лучше тебя. За зло отплачу добром и похороню тебя как следует...

С этими словами он сбросил вниз мертвое тело и засыпал его землей. Навьюченного золота было слишком много для одной лошади, и поэтому часть поклажи пришлось переложить на верховую лошадь. И все же кирку, лопату, таз, разную другую мелочь надо было оставить на месте, чтоб не обременять лошадей.

Солнце стояло в зените, когда золотоискателю с лошадьми удалось пробраться сквозь чащу. Путь был очень затруднителен; животные нередко подымались на дыбы; как-то раз верховая лошадь упала, и для того, чтоб поднять ее на ноги, пришлось снять тюк.

Кругом стояла тишина, и только звяканье подковных копыт нарушало ее. Изредка доносилась ругань золотоискателя, грубый окрик или нетерпеливое понукание. Вдруг золотоискатель затянул песню, и по мере того как он подвигался вперед, звуки песни ослабевали, и снова прежняя тишина вернулась в «Золотое ущелье».

Словно по пятам золотоискателя вернулась тишина, а вслед за ней по тем же пятам пробрался и дух ущелья.

Опять полусонно зажурчал, зашептал ручей, полусонно зажужжали горные пчелы. В ароматном воздухе падали и подымались кверху, плыли белоснежные цветы виргинских тополей... Там и сям с едва слышным шелестом мелькали бабочки. А надо всем этим ласково и безмятежно светило солнце. Кто-то пришел, оставил следы на лужайке, изрыл весь горный склон, убил себе подобного и ушел! Здесь снова сумрачно и мирно... Промчалась бурная жизненная струя, на миг возмутила величественный покой горного ущелья и унеслась дальше...

Планчет

— Это мое право! Я хочу знать, — сказала девушка.

Голос ее прозвучал твердо; в нем не было ни намека на просьбу, и все же чувствовалось, что эта решимость завершала собой длинный период просьб. Но не словами молила она, а всем своим существом...

Губы ее были немые, но глаза, все лицо, даже фигура изображали вопрос. Он знал это и все же не отвечал. И тогда, не в силах сдержать себя, она задала вопрос.

— Это мое право! — повторила девушка.

— Я знаю, — ответил он беспомощно.

Она ждала и все время не отрывала глаз от толстых сучьев и больших пней, которые озарялись теплым, мягким, ласкающим светом. Казалось, сияют сами по себе пни, так много вобрали они в себя света. Девушка смотрела, но не видела; она слышала, но не различала журчание ручейка, который протекал внизу, на дне оврага.

Она снова взглянула на мужчину.

— Итак, — сказала она с твердостью и полная уверенности, что тот сейчас повинуется ей.

Она сидела совершенно неподвижно, прислонясь к стволу упавшего дерева. Мужчина лежал почти рядом с ней, одной рукой опираясь на землю, а другой поддерживая голову.

— Милая, милая Лют! — пробормотал он.

Она вздрогнула при звуке его голоса; она не оттолкнула его, но тотчас же почувствовала необходимость бороться против обаяния этого мягкого, притягательного голоса. Словно каждая нотка, каждый звук обещал счастье и покой... Его ласковые слова, как и прикосновение, были мужественны, сильны и почти всегда бессознательны. Он всегда смутно чувствовал потребность в ласке, которая была частью его самого, дыханием его искренней и большой души...

Она потянулась к нему; он хотел взглянуть на ее лицо, но она строго и внушительно посмотрела на него из-под ровных, тонких

бровей, и он покорно опустил голову на ее колени. Рука ее ласково коснулась его волос, а лицо приняло заботливое и нежное выражение. Но, когда он взглянул на нее, ее серые глаза были опять неумолимы.

— Что я могу тебе еще сказать? — начал он. — Я не могу на тебе жениться — ни на тебе, ни на какой-либо другой женщине. Ты прекрасно знаешь, как я люблю тебя, — больше всего в жизни. Я неоднократно взвешивал тебя и все остальное прекрасное на свете, и ты перетягивала. Чтобы всегда жить с тобой, я готов на все, но я бессилен, совершенно беспомощен. Я не могу на тебе жениться и никогда не смогу.

Он хотел овладеть собой и сжал губы, но голова его невольно и беспомощно стала склоняться к ее коленям; она остановила его.

— Крис, ты, может быть, женат?

— Нет, нет, — горячо воскликнул он, — я никогда не был женат. Я хочу жениться только на тебе и не могу.

— В таком случае?..

— Нет, нет, — прервал он, — не спрашивай меня!

— Но я имею право знать это.

— Я знаю. Я знаю все и тем не менее ничего не могу сказать тебе.

— Ты не подумал обо мне, Крис, — мягко продолжала она.

— Нет! Не то.

— Ты не подумал обо мне. Ты не хочешь знать, сколько мне приходится дома терпеть из-за тебя.

— Я не предполагал, что твои так плохо ко мне относятся, — с горечью сказал он.

— Они почти не выносят тебя. Конечно, в твоем присутствии они этого не показывают, но они уже давно ненавидят тебя. Мне приходится все это сносить. Конечно, не всегда так было. Сначала они любили тебя. Чуть ли не так, как я любила тебя. Это было четыре года назад. Время шло — год, два года — и вдруг они восстали против тебя. Их нельзя винить. Ты не говорил ни слова, и им вдруг показалось, что ты разбиваешь мою жизнь. Ведь ты подумай: прошло четыре года, а ты ни разу не заговорил о свадьбе. Что же они могли подумать? Именно то, что и думают: будто ты разбиваешь мою жизнь.

Говоря это, она продолжала ласково перебирать его волосы, сама страдая от боли, которую причиняла любимому человеку.

— Они очень любили тебя вначале. Разве можно тебя не любить? Как дерево притягивает влагу из почвы, так ты притягиваешь любовь всего живого. словно ты на все имеешь какие-то особые права, и все направляется к тебе со всех сторон. Тетя Мильдрэд и дядя Роберт находили, что другого, подобного тебе, нет. Как солнце в небе, ты единственный на земле. Они считали меня счастливейшей из девушек, ибо мне удалось завоевать любовь такого человека, как ты. Да, они очень любили тебя. Тетя, иногда желая позлить дядю, задорно поглядывала на него и говорила: «Когда я подумаю о Крисе, мне самой хочется помолодеть». А дядя отвечал: «Нисколько не осуждаю тебя, дорогая, нисколько. А если можешь помолодеть, пожалуйста, ничего не имею против». И снова и снова, без конца они поздравляли меня с твоей любовью.

И они прекрасно знали, что я так же люблю тебя. Как я могла помешать этому? Как я могла помешать той огромной чудесной вещи, которая вторглась в мою жизнь и совершенно поглотила ее? Четыре года, Крис, четыре года я жила только тобой одним. Каждый миг принадлежал только тебе. Я просыпалась с мыслью о тебе, я засыпала с мыслью о тебе. Каждое мое действие, каждая мысль, каждый жест были от тебя. Издали, даже не присутствуя, ты направлял все мои мысли. Ты неизменно присутствовал во всем малом и великом в моей жизни.

— Я и не подозревал, что так подавляю, — пробормотал он.

— Ты ничего не подавлял. Ты давал мне полную свободу и, напротив, был моим послушным рабом. Умело, нисколько не оскорбляя, ты делал за и для меня все. Ты предупреждал все мои желания, хотя я даже не намекала на них. Всего больше мне нравилось то, что ты не был суетлив. Видишь ли, со стороны казалось, что ты ровно ничего не делаешь, а оказывалось, что все делалось именно тобой и удивительно к месту.

Да, я была рабой, но это было рабство любви. Именно любовь заставила меня так покориться, отдать тебе все мои помыслы и дни. Ты не вторгся в мои мысли — нет, постепенно и незаметно ты проник в них и всегда, всегда был в них. А в какой степени, тебе никогда не узнать...

Но по мере того как проходило время, тетя и дядя все меньше любили тебя. Они стали беспокоиться: что будет со мной? Ты портил

мою жизнь. Моя музыка? Ведь ты знаешь, как я мечтала о музыкальной карьере, и все мои мечты о ней потускнели. Когда я встретила с тобой, мне было двадцать лет, и я хотела ехать в Германию продолжать музыкальное образование. Это было четыре года назад, а я все еще здесь, в Калифорнии.

У меня были другие поклонники, ты прогнал их. Нет, нет, я не то хочу сказать, не ты, а я прогнала их. Что мне было до них, до всего остального на свете, раз ты был здесь! Но, повторяю, дядя и тетя начали беспокоиться. Пошли пересуды, разговоры, сплетни. Ты продолжал молчать, а я удивлялась. Я знала, что ты любишь меня. Но мне так много приходилось выслушивать против тебя от дяди и тети, которые были для меня как родители. Я не могла защищать тебя и просто отказывалась спорить. Я ушла в себя. Что мне оставалось делать, что делать?

Он застонал от боли, снова опустил голову на ее колени и молчал.

— Я стала скрытной, и тетя Мильдрэд уже больше не выслушивала моих исповедей. Книга моего детства закрылась. Какая это была чудная книга, Крис! Я готова плакать, когда вспоминаю об этом. Но все равно. На мою долю выпало много счастья. Я рада, что откровенно могу говорить о любви к тебе; эта откровенность так сладостна. Я люблю тебя, Крис, я люблю тебя и даже не в состоянии выразить, в какой мере... Ты помнишь то Рождество, когда мы встречали сочельник вместе с детьми? Мы играли в жмурки; ты поймал меня за руку и так стиснул ее, что я закричала от боли. Я ничего не сказала тебе, но мне было страшно больно, и ты не можешь себе представить, до чего это было в то же время и сладко. Черным и синим запечатлелись следы твоих пальцев. Твоя память на руке оставалась в течение недели, и как часто я целовала ее, Господи! Я волновалась и сердилась, что она исчезала постепенно. Я хотела снова ушибить руку, лишь бы синяк продлился. Мне была противна возвращающаяся белизна рук. Это смешно, Крис, но я не в состоянии объяснить, как я люблю тебя!

Наступило молчание, во время которого она продолжала проводить по его волосам, безучастно следя за большой серой белкой, резвой и веселой, снующей взад и вперед на отдаленной прогалине хвойного леса. Затем ее внимание привлек красногрудый дятел, энергично постукивавший клювом по упавшему дереву.

А Крис все не поднимал головы; напротив, он еще плотнее прижал свое лицо к ее коленям, между тем как высоко вздымавшаяся грудь выдавала его волнение.

— Ты должен мне все сказать, Крис, — мягко сказала девушка. — Эта таинственность убивает меня. Я должна знать, почему мы не можем пожениться. Неужели так всегда будет продолжаться? Правда, мы встречаемся очень часто, но продолжительные промежутки меня измучили. Неужели, Крис, никогда не наступит то время, когда мы всецело будем принадлежать друг другу? Я не отрицаю, Крис: в наших отношениях есть очень много хорошего, даже прекрасного, но временами так хочется чего-то другого, большего. Я хочу, чтоб ты весь принадлежал мне, чтобы все дни, всю жизнь мы провели вместе. Я хочу, чтобы мы жили теперь так, как будем жить, когда поженимся... — Она прервала себя на полуслове. — Ах да, я забыла: ведь мы никогда не поженимся. Крис, почему? Я должна знать, почему.

Он поднял голову и заглянул в ее глаза. Это была его привычка: смотреть прямо в глаза, с кем бы он ни говорил.

— Я думал о тебе, Лют, — начал он угрюмо. — Напрасно ты сомневаешься. Я думал о тебе с самого начала. Мне необходимо было уехать из-за тебя. Я знал это, понимал и все же... я не уехал. Боже мой, что мне было делать? Я любил тебя... не мог уехать... не был в силах. Я остался и каждый день менял свои решения. Это была ужасная слабость, непоправимая ошибка. Наконец, я собрался с силами и ушел — теперь ты знаешь почему. Теперь ты знаешь. Я ушел, но долго там не оставался и хотя знал, что мы не можем пожениться, все же вернулся к тебе. Теперь я снова с тобой. Прогони меня, Лют, прогони. У меня самого нет сил уйти. Прогони меня, Лют.

— Но зачем тебе уходить? — спросила она. — К тому же прежде чем прогнать тебя, я должна знать, почему я прогоняю.

— Не спрашивай меня.

— Нет, скажи мне, — произнесла она с нежным приказанием в голосе.

— Не надо, Лют, не вынуждай меня, — взмолился он.

— Нет, ты должен мне сказать. Это твой долг по отношению ко мне.

Он колебался.

— Если бы я это сделал... — начал он и решительно закончил: — Я никогда не простил бы себе этого. Нет, я не расскажу, и не вынуждай меня, Лют. Ты пожалела бы точно так же, как и я.

— Если что-нибудь... если имеются препятствия, если какая-то тайна действительно мешает...

Она говорила медленно, с длинными паузами, выбирая наиболее деликатный способ передачи своей мысли.

— Крис, я люблю тебя так глубоко, как только возможно для женщины любить, я в этом убеждена. И если бы ты мне сказал сейчас «Пойдем», я пошла бы за тобой, пошла бы, не оглядываясь, куда бы ты ни повел меня. Я сделалась бы твоим пажом. Ты — мой рыцарь, Крис, и ты не можешь сделать ничего дурного. Твоя воля — моя воля! Раньше я боялась мнения света. С тех же пор, как ты вошел в мою жизнь, я не считаюсь с ним больше. Мне смешно думать о нем. Повторяю, если ты скажешь хоть одно слово, я пойду за тобой.

— Нет, нет, — вскричал он, — я не смею звать тебя, я не смею и докажу тебе это.

Он решительно выпрямился и готов был заговорить. Он взял и сжал ее руку. Словно ища выражения, он готов был открыть свою тайну. Воздух содрогнулся. Девушка приблизилась, чтоб услышать, но он глядел прямо перед собой и медлил. Его рука разжималась; девушка ободряюще стала сжимать ее и все же чувствовала, как решимость оставляет его. Он не будет говорить, она это знала; знала и твердо верила, что не говорит он потому, что не может.

Она безнадежно смотрела перед собой, с тяжелым гнетущим чувством на сердце, точно навсегда умерли для нее надежда и счастье. Она следила за лучами солнца, которые разбивались о красные стволы деревьев, — следила равнодушно, чисто механически. Словно издалека и чуждая всему, словно оторвавшись от земли и потеряв связь со всем окружающим, с деревьями и цветами, которые она так любила, она смотрела без интереса, апатично...

Но вдруг она почувствовала беспричинное любопытство. На прогалине стояло буковое дерево в полном цвету, и она смотрела на него, точно впервые видела его. Ее взгляд как прикованный остановился на желтой кисти «Диогеновых фонарей»... Обыкновенно цветы вызывали в ней легкую, мгновенную дрожь удовольствия, теперь же ничего подобного не было. Она разглядывала цветок

подобно тому, как курильщик опиума разглядывал бы поток, заградивший путь его больному воображению. В ушах у нее звучал голос ручья, хриплого, старого богатыря, впавшего в детство и бормочущего сонные фантазии. Но, против обыкновения, шум ручья не возбудил ее воображения; она трезво сознавала, что это простой звук воды, протекающей меж камней глубокого оврага, — и больше ничего.

Взгляд ее проник за «Диогеновы фонари» и упал на открытую поляну. На откосе, по колени в диком овсе, паслись две ярко-золотистых на солнце, одинаковых, как на подбор, лошади. Их новая, весенняя шерсть отливала цветными блестками, которые сверкали, как огненные бриллианты.

Девушка почти с ужасом подумала о том, что одна из лошадей принадлежит ей. Долли, подруга ее детства, ее девичьих грез, горестей и восторгов. Глаза ее увлажнились при виде той, на шее которой она выплакала столько слез, и мгновенно она пришла в себя, сбросила настроение отчужденности; стремительная в страсти и печали, она снова вернулась в мир, чтоб сделаться живой частью его.

Мужчина, совершенно ослабев, подался вперед и со стоном уронил голову на ее колени, а она наклонилась к нему и мягко и надолго прижалась губами к его волосам.

— Вставай, Крис, пойдем! — сказала она почти шепотом.

Голос ее прервался полурыданиями, но она тотчас же поднялась и сжала губы.

Его лицо было бледно, почти мрачно, до того он был потрясен борьбой, которую только что вынес. Они не взглянули друг на друга и направились прямо к лошадям. Она прислонилась к шее Долли, в то время как он подтягивал ремни. Потом она собрала в одну руку поводья и стала ждать. Он взглянул на нее с мольбой о прощении, и ее глаза ответили ему.

Опершись ногой на его руку, она легко прыгнула в седло. Безмолвные, не глядя друг на друга, они повернули лошадей и поехали по узкой тропинке, вьющейся вдоль темного бора, откуда выехали на открытую поляну, к залегшим внизу пастбищам.

Тропинка постепенно превращалась в протоптанную скотом дорожку, а дорожка — в проселочную дорогу, которая ниже сливалась с большой дорогой. Они понеслись вниз по отлогим бурым горам

Калифорнии до того места, где ряд перекладин отмечал начало большой дороги. Девушка осталась на своей лошади, а мужчина слез и начал вынимать перекладины.

— Постой, постой! — закричала она, прежде чем он дотронулся до двух нижних перекладин.

Она сделала несколько шагов назад, затем прошла вперед, и животное небольшим безукоризненным прыжком пронеслось над перекладинами. Глаза мужчины засверкали, и он стиснул кулаки.

— Красавица моя, красавица! — воскликнула девушка, подавшись вперед и прижавшись щекой к шее кобылы в том месте, где шерсть отливала ярким пламенем на солнце.

— Если хочешь, поменяемся лошадьми, — предложила она, когда перекладины снова оказались на месте. — Ты до сих пор не знаешь, что за прелесть моя Долли.

— Нет, нет, — запротестовал он.

— Ты, очевидно, думаешь, что она слишком стара и для тебя не подходит. Ей действительно шестнадцать лет, но все же из десяти лошадей девять она всегда перегонит. И при всем том она очень спокойна и никогда не сбрасывает. — Она вдруг торжественно произнесла: — Послушайте, сэр, вызываю вас на поединок и утверждаю, что моя Долли побьет вашего Бана. Затем предлагаю вам самому прокатиться на моей Долли, достоинств которой вы не знаете и не цените.

Обрадовавшись новому развлечению, они живо принялись обмениваться седлами.

— Как я рада, — заметила Лют, — что родилась в Калифорнии и могу ездить верхом, как мужчина. Готов?

— Готов!

— К старой мельнице, — крикнула она, когда лошади ринулись вперед.

— Есть! — ответил он.

По гладкой, ровной дороге вздымались клубы пыли. Всадники совершенно пригнулись к лошадям, на полном ходу делали повороты, не замедляя хода, проносились через легкие деревянные настилы и с дробным, звучным грохотом мчались по железным мостам.

Они шли бок о бок, приберегая животных к финишу. За группой белых дубков дорога на протяжении нескольких сот ярдов совершенно

выпрямилась и открывала в самом конце старую, полуразрушенную мельницу.

— Начинаем! — вскрикнула девушка и всем корпусом подалась вперед, прильнула к шее лошади, отпустила поводья и через несколько минут оказалась впереди Криса.

— Хлопни ее по шее! — крикнула она ему.

Крис исполнил это, и тотчас же Долли вынесла его впереди Бана.

До мельницы оставалось около ста ярдов.

Девушка пришпорила лошадь, но не переставала следить за своей Долли, которая медленно опережала ее.

— Побита на три корпуса! — победоносно воскликнула Лют, когда они миновали мельницу и поехали шагом.

— Теперь, сэра, вы видите, на что способна моя старая кобыла.

— В сравнении с ней Бан — настоящий медведь, — согласился Крис.

— Понимаешь, Крис, — возбужденно сказала Лют, — моя Долли хороша тем, что в ней есть горячность и нет глупости. Несмотря на свой возраст, она очень умна.

— В том-то и дело, — возразил Крис, — вместе с молодостью прошла и глупость. Я уверен, что в молодости она не мало раз сбрасывала тебя.

— Ничего подобного! — ответила Лют. — Я положительно не припомню случая, когда бы она дурила. За всю свою жизнь она не становилась на дыбы, не лягалась, не сбрасывала, никогда, ни разу.

Тяжело дыша после скорого бега, лошади продолжали идти шагом. Дорога вилась по низко лежащей долине, кое-где пересекаемой горными ручьями. Со всех сторон доносилось монотонное, усыпляющее бормотание косилок и зычные крики рабочих, собиравших сено. На западе подымались зеленые горы, а восточные, обращенные к солнцу, уже были выжжены и приняли желтовато-бурый оттенок.

— Как хорошо здесь! — сказала Лют. — Чудная Сономская долина! Вот лето, а вот и весна.

Глаза и лицо ее сияли любовью к родине. Она перевела взгляд на фруктовые сады и виноградники. Легкой, нежной дымкой залег повсюду пурпур, залег в полях и садах, в ущельях гор и долинах. А дальше, выше, среди горных вдоль и поперек изрезанных ручьями

хребтов, где крупные откосы были усыпаны кустами манзаниты, Лют увидела свободный участок, на котором дикая трава еще не утеряла своего девственно-зеленого цвета.

— Ты знаешь это место? — спросила она, указывая на далекую долину.

Крик ужаса заставил ее обернуться. С дико раскрытыми глазами, раздутыми ноздрями, Долли взвилась на дыбы. Крис припал к ее шее, чтобы помешать ей упасть на спину, и одновременно пришпорил ее, чтобы заставить опустить передние ноги, которыми она была по воздуху.

— Долли, Долли! — начала с упреком Лют, но, к ее удивлению, лошадь опустила голову, выгнула спину, прыгнула в воздух и опустилась на землю с выпрямленными ногами.

— Гениальный прыжок! — воскликнул Крис, в то время как кобыла собиралась сделать второй прыжок.

Лют удивлялась поведению своей лошади и любовалась умением Криса править; он оставался совершенно хладнокровен и, казалось, получал удовольствие от диких прыжков Долли. Лют отвела Бана в безопасное место и, оглянувшись, случайно поймала взгляд Долли. Глаза лошади, почти выскочив из орбит, выражали слепое, животное безумие; розоватый оттенок белка исчез и сменился белизной, похожей на матовый мрамор. Долли выпрямилась так, что спина, шея и морда представляли почти прямую линию; такое положение позволило ей закусить удила, и она с невероятной быстротой понеслась по прямой дороге.

Впервые Лют действительно испугалась. Она пришпорила в погоню Бана, но тот не был в состоянии поспевать за взбесившейся кобылой и стал понемногу отставать. Лют видела, как с перекинутой через седло ногой, прилегши на бок и ухватившись рукой за гриву, Крис боролся с лошадьёю.

Долли мелькнула в чаще и с безумной быстротой помчалась по узкому берегу, к группе дубов, о стволы которых она хотела сбить всадника.

Лют поехала по диагонали, миновала кустарник и оказалась впереди Долли. Из кустарника до нее доносился ужасный треск сучьев и бурелома. Наконец кобыла проломилась в открытое место и, изможденная, вся в мыле, упала на мягкую траву.

Крис все еще сидел на ее спине. Рубашка его изорвалась в клочья. Руки были изодраны и изранены, а по лицу из раны у виска струилась кровь.

— Как хорошо! — крикнул он, вложив в голос всю сердечность, на которую был способен, но в данное время ее было немного, потому что он перенес слишком сильное нервное потрясение.

— Неподалеку ключ, — сказала Лют, обвинив шею Криса, и, оставив лошадей невзнузданными, они прошли в прохладные заросли, к месту, где с едва слышным звоном у подножия горы протекала кристально чистая вода.

— А ведь ты говорила, что Долли никогда не сбрасывает, — сказал Крис, несколько успокоившись.

— Я отказываюсь понять что-либо. Впервые в жизни я видела, как она поднимается на дыбы.

— Может быть, какой-нибудь открывшийся застарелый ушиб, — сказал Крис и пожал плечами.

Они вернулись к лошадям и подвергли Долли самому внимательному осмотру, который, однако, ничего не дал. Все было в порядке и никаких следов укула, укуса или ранения не оказалось.

— Не иначе как какое-то бесовское наваждение, — сказала Лют. И они засмеялись при этой мысли, ибо оба были типичными продуктами XX века, здоровые, нормальные духом, любящие прекрасное и возвышенное, но вовремя останавливающиеся у той границы, где кончается реальное и начинается суеверие.

Лют стала укорачивать стремяна.

— Зачем это? — спросил Крис.

— Я поеду на Долли.

— Нет, этого не будет, — заявил Крис. — Так лошадей не воспитывают. После всего того, что случилось, я обязан поехать на ней.

Они медленно, часто останавливаясь, поехали к дому.

* * *

— Кто едет за почтой? — послышался из-за деревьев женский голос.

Лют захлопнула книгу и вздохнула.

— Мы не предполагали сегодня ехать верхом, — сказала она.

— Позволь, я поеду, — предложил Крис. — Ты оставайся здесь, а я поеду и вмиг вернусь.

Она покачала головой.

— Кто едет за почтой? — настаивал голос.

— А где Мартин? — закричала Лют.

— Не знаю, — ответил тот же голос. — Его, вероятно, куда-нибудь увел с собой Роберт. Право, Лют, кроме тебя и Криса, никого нет. Довольно валяться в гамаке.

— Хорошо, тетя! Мы едем! — закричала Лют, вылезая из гамака.

Через несколько минут, в костюмах для верховой езды, они седлали лошадей. Они поехали по графской дороге, а затем свернули на шоссе к Глен Эллену. Маленький городок полностью заснул под палящими лучами солнца, а местный почтмейстер с большим трудом удерживался, чтобы не заснуть, когда перевязывал пачку писем и газет.

Спустя час всадники свернули с большой дороги и поехали по коровьей тропинке вниз к крутому берегу, желая до возвращения на дачу напоить лошадей.

— Долли как будто совершенно забыла про вчерашнее, — сказал Крис, указывая на вошедшую по колени в воду Долли.

Из чащи послышался перепелиный треск, и кобыла подняла голову, наострила уши... Крис наклонился и почесал у нее за ушами, что, очевидно, доставило ей большое удовольствие, — она опустила голову и прислонилась к плечу Бана.

— Настоящий котенок, — заметила Лют.

— А между тем после ее вчерашней дикой выходки я никогда не смогу довериться ей, — сказал Крис.

— А я так по-прежнему доверяю ей, — сказала Лют и добавила: — Конечно, на Бане ты в большей безопасности. Это твоя лошадь; она тебя никогда не обманет.

Они повернули лошадей и отъехали от ручья. Долли остановилась, чтобы мордой смахнуть с колена муху, а Бан протеснился по узкой тропинке. Пространство было слишком узко для того, чтобы он мог вернуться, и Крис пустил его вперед.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ